

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Архимандрит Никифор. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия / Архимандрит Никифор. – Kортал: Свет на Востоке, 1989. – 902 с.
- 2 Иосиф Флавий. Иудейские древности / Иосиф Флавий: в 2 т. – Мн.: Беларусь, 1994. – Т. 1. – 558 с.
- 3 Нюстрем, Э. Библейский словарь. Энциклопедический словарь / Э. Нюстрем; перевод со швед. под ред. И.С. Свенсона. – Торонто: Мировая христианская миссия, 1982. – 517 с.
- 4 Шабулдаева, Н.И. Праславянские названия хлеба в белорусском и русском языках (название *хлеб*, названия с корнями **bab-/*bob*) / Н.И. Шабулдаева // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы IX международных Карских чтений, Гродно, 16-17 мая 2002 г.: в 2-х ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; редкол.: М.И. Конюшкевич. – Гродно, 2003. – Ч. 1. – С. 384-394.
- 5 Painter, J. Хлеб / J. Painter // Иисус и Евангелия. Словарь / под ред. Дж. Грина [и др.]. – М.: Библейско-богословский институт Св. Ап. Андрея, 2003. – С. 827.

И.Б. Азарова, И.Г. Евтухова (Беларусь)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

В давние мифологические времена на рубеже I и II тысячелетий до нашей эры, когда миром правили всемогущие олимпийские боги во главе с Зевсом-громовержцем, когда пылкое воображение греков поражали и ослепляли красоты средиземноморья, яркая экзотика Африки, одновременно дикое варварство и сияющая роскошь Востока, именно тогда не было еще названия науке обучения и воспитания, но с самого рождения рядом с подрастающим молодым человеком был воспитатель, наставник. Их имена дошли до нас: кентавр Хирон (наставник античных героев – Ясона, Кастора, Полидевка, Тесея), Феникс (воспитатель Ахилла), Нестор, несущий мудрость всему данайскому войску.

А еще был жизненный и педагогический опыт предыдущих поколений, синтезированный и нашедший свое оригинальное воплощение в классическом греческом эпосе – «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Вместо учебников по всем отраслям знаний и специальной литературы древние греки, а потом и римляне читали, по словам Н.Буало, «Гомера труд высокий», который преподавал «бесценные уроки».

В гомеровской мудрости находятся истоки античного способа мышления и истоки общечеловеческой нравственности. Как и всякая мудрость, она многолика: это и житейское, практическое знание, порожденное опытом; и более глубокое знание, сродни философии, основанное на размышлении и обобщении, – знание, являющее собой особого рода миропонимание и определяющее принципы жизни человека в обществе; это и свод частных специальных знаний, предвосхищающих рождение особых наук и художеств.

Мир нравственных идей Гомера, его житейская мудрость одновременно чрезвычайно богаты и удивительно просты. Поэмы испещрены всякого рода общими местами, суммирующими многовековой народный опыт. Это сентенция, гнома, максима, апофегма и хрия.

Сентенция (*sententia* – лат. мнение, суждение) – вид афоризма, краткое общезначимое изречение, преимущественно «морального содержания» [1, с.460], в изъявительной или повелительной форме; часто украшено параллелизмом, антитезой, стилистическими фигурами повторения; изречение нравоучительного характера. Гнома (*gnōmē* – греч. мысль, мнение) – сентенция с усилением философского содержания; «стихотворный афоризм» [1, с.139]. максима (*maxima* – лат. высший принцип) – сентенция дидактического и моралистического характера; «логический или этический принцип, выраженный в краткой формуле, правило, норма поведения» [1, с.298]. Апоф(т)егма (*apophthegma, apophthengomai* – греч. говорю напрямик, изрекаю) – максима, вписанная в конкретную ситуацию, «краткое и меткое наставительное изречение» [1, с.50]. Хрия (*chrēia, chrāo* – греч. извещаю) – максима анекдотичного характера, краткий анекдот об остроумном и поучительном поступке великого человека.

Носителями этой мудрости чаще всего выступают у Гомера всемогущие боги и люди преклонных лет, умудренные опытом, такие, как владыка Пилоса Нестор или воспитатель Ахилла Феникс.

В живости и в симпатии, с какими обрисованы эти образы, кроется общее, свойственное всем вообще людям уважение к старости:

Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу [2, с. 108].

Наряду с такими традиционными носителями житейской мудрости, в том же качестве многоопытного и многоумного мужа, выступает у Гомера еще один персонаж — вечный странник Одиссей, любознательный и предприимчивый, охотно идущий навстречу неизведанному и умеющий найти выход из любого трудного положения.

Очень много поводов к размышлению подает гомеровская «философия жизни». Мироощущение Гомера проникнуто сознанием бренности человеческого существования:

Листьям в дубравах древесных подобны сыны человек:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают [2, с. 146].

Или:

Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней [3, с. 130].

Жизнь человека заранее predetermined, но в своей смертной обреченности гомеровские герои неожиданно находят стимул к осуществлению своих горделивых стремлений — парадоксальное состояние, которое отражает парадокс человеческой жизни вообще, эфемерной в своем единичном физическом качестве, но бессмертной в смысле развития человеческого рода и торжества его духа. Ликийский царь Сарпедон обращается к своему соотечественнику Главку:

Друг благородный! Когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуту, ни избежать.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами! [2, с. 322].

Ярчайшим воплощением жизненной установки, которую можно было бы определить как трагический оптимизм, является у Гомера главный герой «Илиады» Ахилл. Фессалийский герой знает, что он обречен погибнуть под Троей. Его несравненная сила и доблесть, невероятные подвиги на поле брани, делающие его поистине сказочным богатырем, и неукротимость его духа выражают вечную великую претензию человека стать выше своей судьбы:

Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду! [2, с. 114].

Убеждение в бренности людского существования оттеняется у Гомера верою во всемогущество бессмертных богов. Покорность богам — залог благополучия человека:

Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют. [2, с. 218].

Гомеру присуще глубоко религиозное чувство: он вызывает к совести людей, напоминает им о необходимости блюсти справедливость и страшиться гнева богов, которые стоят на страже правды. Среди преступлений, творимых злодеями, одно из самых ужасных

— оскорбление гостя, странника, всегда находящегося под покровительством богов. Одиссей читает мораль ослепленному им циклопу:

...Святотатным делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные [3, с. 376].

Неоднократно в поэмах подчеркивается высшая нравственная роль религии. «В «Илиаде», — писал В. Г. Белинский, — религия является еще неотделенною от других стихий общественной жизни: право народное, понятия политические, отношения гражданские и семейные — все вытекает прямо из религии и все возвращается в нее» [4, с. 32].

Гомеровским героям свойственно чувство родины. Ценою, оправдывающей смерть, служит у Гомера слава, но эту награду человек может завоевать, прежде всего, защищая свое отечество. Гекуба с гордостью говорит о славной кончине своего сына Гектора:

...Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;
Он за отечество, он за мужей и за жен. Илионских
Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля! [2, с. 214].

Или слова Одиссея на пиру у Алкиноя в форме законченной гномы — тоска по утраченной, но милой сердцу родине:

Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых [3, с. 34].

С представлением о родине как общем очаге связано у Гомера и другое нравственное представление — блюсти согласие в семье и между соотечественниками. В «Илиаде» поэт устами мудрого старца Нестора в форме сентенции порицает страсть к междоусобным распрям:

Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит! [2, с. 63].

И ту же мысль в более широком контексте развивает в «Одиссее» Пенелопа:

...Нам ненадолго жизнь дается на свете;
Кто здесь и сам без любви и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают [3, с. 328].

Проповедь любви и согласия не исключает и воспевания и другого нравственного принципа — гражданской воинской доблести:

Будьте мужами, друзья, и возвыстесь доблестным духом;
Воина воин стыдится на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет!
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы! [2, с. 329].

Воинская доблесть — суровое качество, но есть еще одна проблема, которая во все времена, поскольку они не обходились без войн, оставалась камнем преткновения для честного художника, — к проблеме гуманизма. Гомер глядит открытыми глазами на суровую действительность. Его описания избиений и смертей, которыми изобилует героический эпос, исполнены реализма. Поэт оправдывает жестокость своих героев, поскольку она диктуется такими благородными мотивами, как защита своих прав или месть. К примеру, Одиссей, начав избиение бесчинствовавших в его доме женихов, остается глухим к просьбам о пощаде и примирении и доводит затеянное им дело до конца. Поэт и не думает осуждать своего героя за жестокость. Очевидно, по его убеждению, тот был вправе творить свою месть таким образом.

Гомер не был бы великим поэтом героического века, если бы сердце его не было открыто и для сострадания. В «Илиаде» Феникс умоляет Ахилла укротить свой гнев и внять просьбам посланцев Агамемнона:

Сын мой, смири же ты душу высокую! Храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысите нас и величьем, и славой, и силой [2, с. 296].

И дальше мудрый воспитатель Ахилла рисует впечатляющие образы, олицетворяющие могучую Обиду и «смиранных дочерей великого Зевса» — Молитвы:

Кто принимает почитательно Зевсовых дочерей прибежных,
Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает,—
К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет [2, с. 208].

Сердце Ахилла дрогнуло, когда к нему явился убитый горем старец Приам и стал молить выдать ему тело сына для погребения. С изумительным мастерством рисует Гомер эту сцену, невероятные по силе убеждения находит он слова для Приама, заставляя его под конец горестно воскликнуть:

Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю! [2, с. 203].

Эту исполненную потрясающего трагического пафоса сцену мог создать только тот, кто сам был доступен лучшему из человеческих чувств — состраданию.

Как видно из вышеизложенного, опыт древних греков актуален и поныне, поскольку несет в себе огромный потенциал общечеловеческой нравственности и этики.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989. — 624 с.
- 2 Гомер. Илиада / Гомер; пер. Н.И. Гнедича. — М.: Худож. лит, 1981. — 448 с.
- 3 Гомер. Одиссея / Гомер; пер. В. Жуковского. — М.: Худож. лит, 1982. — 349 с.
- 4 Белинский, В.Г. Полное собр. соч.: в 13-ти т. / В.Г. Белинский; под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. — М.: Худож. лит, 1953-1959. — Т.2. — 1953. — 430с.